

ции существуют три профессиональные группы, чьи возможности в сфере манипулирования значительно превосходят возможности других профессиональных групп.

Юристы, главная цель которых – создавать, комментировать и интерпретировать правовые нормы, а также защищать или обвинять людей в процессе практического применения этих норм, могут весьма глобально оперировать известной им правовой информацией, и, пользуясь незнанием или неведением других субъектов правового пространства, навязывать этим субъектам нужные им лично (или некому «заказчику») мнения и представления. Впрочем, два из них уже давно внушены всем иным группам и классам: 1) «юристы нужны обществу и как можно в большем количестве»; 2) «юристам надо хорошо платить, иначе общество окажется в убытке». Впрочем, из всех возможных манипуляций – это самая, пожалуй, безобидная, а в чем-то даже полезная. Куда хуже, когда юристы начинают открыто уходить от всякого объективизма, беспристрастности и честности, и защищать интересы богатых и сильных (тем, кто им хорошо платит), – в ущерб интересам бедных и слабых. Для современной России – это не просто норма, а норма, которая *de facto* стала «правовой нормой». «Уровень манипулятивности» в юридической практике чрезвычайно высок для нашей страны, и борьба за его понижение – это как задача самых юристов (тех, кто еще не поражен этим вирусом), так и иных профессиональных групп (ученых, преподавателей, экспертов, журналистов и т.п.).

Журналисты – это профессиональная группа с наиболее ярко выраженным стремлением манипулировать информацией, или иначе, использовать возможности манипулятивной интеллектуальной собственности. Журналисты, по выражению российского исследователя А.С.Панарина, это – «герменевтики, расшифровывающие смысл происходящего»: мы всегда имеем перед собой мировые и российские события, преподнесенные с точки зрения того или иного конкретного медиа. Здесь у журналистов открываются беспрецедентные возможности для того, чтобы манипулировать знанием и информацией, преподнести ее с нужной им как профессиональной группе, или какому-либо социальному заказчику позиции¹. Принципы нейтральности, взвешенной оценки событий, беспристрастности нарушаются ими буквально на каждом шагу, – однако, почему-то в среде журналистов это считается за общепринятую норму поведения. Экономические возможности этой группы почти во все времена были гораздо лучше реализуемы, чем у большинства иных интеллектуальных групп, что позволяло подавляющему большинству журналистов по своим доходам быть, как минимум, на уровне среднего класса.

Экономисты – еще одна группа, склонная к активному использованию манипулятивной интеллектуальной собственности, – хотя, возможно, в меньшей степени, чем две другие (юристы и журналисты). Но именно к этой группе больше всего подходит нелестный эпитет «интеллектуальная услуга бизнеса», употребленный нами в предыдущем параграфе. Именно в этих двух констатациях можно обнаружить своеобразный «парадокс существования» этой группы: с одной стороны, вследствие высокого уровня рациональности и эффективности экономического знания (и вытекающей из этого возможности его верификации) она стремится поставлять на рынок максимально достоверную информацию и избегать любых манипуляций с ней, но с другой стороны, она вынуждена эту информацию в той или иной степени *искажать*. Искажение налоговых деклараций, финансовой отчетности, тех или иных макроэкономических или микроэкономических показателей, заведомо манипулятивная деятельность в сфере *public relation*, – с целью оказания давления или получения каких-либо выгод, – это лишь немногие возможные пути, по которым движется манипулятивное сознание экономистов. Но результат тот же, что у манипулятивной деятельности юристов и журналистов.

Таким образом, интеллигенция может выступать и как субъект, и как объект манипуляции. Но, если как объект манипуляции, она может ей активно сопротивляться, то как субъект она включает в себя три профессиональные группы (юристы, журналисты, экономисты), чьи возможны для манипулятивного воздействия на других почти ничем не ограничены.

РАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО СОГЛАСИЯ

Шевченко А.А.

г. Новосибирск. Россия

Плюрализм интересов и ценностных установок, характерный для гражданского общества, затрудняет достижение гражданского согласия. На практике основания такого согласия часто ищут в символических формах (например, пересматривая государственную символику) или в общих ценностях (например, стимулируя поиски объединяющей национальной идеи). При этом часто упускается из виду еще одна возможность, о которой могут и должны напоминать философы. Это обращение к разуму, рациональным основаниям кооперативного поведения, напоминание о том, что быть рациональным не только должно, но и выгодно. И выгодно, прежде всего, для реализации таких проектов и целей, которые могут быть достигнуты только совместными усилиями, на основе сотрудничества и, что очень важно, взаимного доверия.

Этих целей недостаточно добиться чисто процедурным путем, посредством рационального устройства

¹ Назовем *любимые шаблоны (темы и приемы)* журналистов, где они манипулируют информацией, искажая ее в угоду своим профессиональным интересам: 1) сетования на бедность, социальную и политическую незащищенность журналистов; 2) преподнесение любых событий в области СМИ как событий первостепенной важности; 3) раздувание темы «преследование журналистов»; 4) акцентированное словесное давление на индивидов и групп, в чем-то не угодившим журналистам.

общественных институтов, например, оптимальной системы сдержек и противовесов. Во многих классических либеральных концепциях дело представлялось таким образом, что одни только политические или экономические механизмы способны предотвратить злоупотребление частными интересами. И. Кант, например, как и многие классические либералы, полагал, что общественное устройство не может создаваться в расчете на ангелов, поэтому нужно, чтобы жизнь людей была организована таким образом, чтобы «...несмотря на столкновение их личных устремлений, последние настолько парализовали друг друга, чтобы в публичном поведении людей результат был таким, как если бы они не имели подобных злых устремлений» [Кант, 1966]. Однако расчет на одни только институциональные решения оказался нереалистичным.

Представляется, что на проблематику гражданского согласия вполне может быть распространена аргументация, которая используется при обсуждении парадоксов коллективной рациональности. Основные парадоксы такого рода известны из теории игр. Такие «игры» как «дилемма заключенного» демонстрируют, что достижение оптимального результата возможно лишь на основе рационального согласия, основанного на доверии к партнеру. Поскольку эти игры представляют собой описание взаимодействия нескольких участников, имеющих противоположные, часто конфликтующие интересы, то механизмы достижения согласия безусловно представляют интерес и для анализа более общих случаев социального взаимодействия. Эти модели демонстрируют, что достижение общих целей невозможно без существенного пересмотра представлений об инструментальной рациональности.

Кроме того, представления о рациональности не могут и не должны сводиться лишь к инструментальной рациональности, то есть одному только поиску наиболее эффективных средств для достижения поставленных целей. Необходимо говорить и о рациональности самих целей, а также рациональности эпистемического поведения человека. Такое расширение представлений о рациональности тесно связано с изменением представлений о сути современной демократии. Если раньше демократия часто рассматривалась как некоторый аналог рынка, на котором действовали постулаты экономической рациональности, то сейчас все чаще обсуждается другая модель – «демократия как форум» [Elster, 1997]. А в этой модели рациональным будет такое поведение, в ходе которого люди пытаются убедить друг друга в правильности того или иного решения. Достижение гражданского согласия в современном обществе, таким образом, возможно лишь на основе рационального консенсуса – то есть поиска оптимальных принципов сотрудничества с учетом признания коллективного характера этого предприятия и необходимости понимания и признания интересов, целей, ценностей и обоснованных притязаний других людей.

Источники и литература

1. Кант, И. Сочинения / И. Кант. – М., 1966. – Т. 6. – С. 285-286.
2. Elster, J. The Market and the Forum: Three Varieties of Political Theory / J. Elster // Contemporary Political Philosophy. Blackwell Publishers, 1997. – P. 128-142.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ КАК ДИСФУНКЦИЯ ВЛАСТИ

Шильман М.

г. Харьков. Украина

Философские дискуссии конца 60-х – 70-х годов, самыми известными участниками которых по праву называют М. Фуко и Ж. Делеза, заложили основы нового подхода к анализу отношений интеллектуалов и власти. Констатация «смерти» интеллектуала классического типа равнялась отказу интеллектуалу в его претензиях на универсализм, на определенное положение в обществе и на автономию от власти. Это, в свой черед, повлекло за собой пересмотр спектра актуальных задач и форм современной интеллектуальной деятельности. Взгляд сквозь призму концепции «власти-знания» на изменившегося интеллектуала, имеющего признаки «трансверсальности, а не универсальности» (Фуко), ведет к выводу о том, что определение такой фигуры 1) уже невозможно в позиционном плане, но 2) представляется эффективным в плане функциональном.

Фуко датирует появление классического интеллектуала XVIII веком, что вписывается в процесс перехода от недифференцированных пространств (жилых, мыслительных, социальных) к пространствам функциональным. Обособление субъекта от «универсального человека» Ренессанса означало отказ от примата неконструктивных идей в пользу значимости функционально эффективных конструктов. Само же функционирование – сопряженное с обеспечением чего-либо и служением чему-либо – в русле Просвещения и в развертке «проекта Модерна» продолжало пониматься как универсальное целесообразное предприятие. Общая цель и адекватные способы движения к ней задавали для социально-политических ансамблей те форматы унификации («прогресс», «знание», «История» и т.п.), в которых позиционное различие (диспозиция) составляющих соотнобразывалось «сверху». Значение имело положение интеллектуала относительно власти, отождествлявшейся с функцией подавления, а функциональность определялась удерживаемой между ним и властью дистанцией.

Рисуя неклассического интеллектуала XX века, Фуко показывает неэффективность интеллектуалов и в их критике идеологии, и в их протестах. По его мнению, во-первых, в обществе наблюдается «функционирование власти», а значит место, занимаемое интеллектуалом, есть, в первую очередь, место в ее функционировании. Во-вторых, власть рассеяна и «ее функционирование не сводится к цензурированию и запретам», а значит, борьба с институтами «порабощения» есть, прежде всего, функционирование внутри функционирующей власти, а не атака извне. Всякий протест оказывается продуктом той же природы, что и про-